

В тот вечер радость витала в воздухе. За ужином на столе стояла бутылка байцзю, которую специально принес Цин Янь. Даже для А-Мяо и Эр Си, их верных спутников, был приготовлен праздничный ужин.

Когда подали еду, Цин Янь налил по чуть-чуть спиртного в чаши — одну для Цю Хэняня, другую для себя. На полу у стола весело поедали свой ужин кот и собака. В печи трещали поленья, наполняя дом уютным теплом. Цин Янь, слегка кашлянув, произнёс:

— Ты только выздоравливаешь, выпьем немного.

Цю Хэнянь молча кивнул, поднял свою чашу и сказал:

— Спасибо тебе за всё, что ты сделал в эти дни.

— И тебе спасибо, — отозвался Цин Янь.

В этих простых словах скрывалась неизмеримая глубина, которую оба понимали без слов. Их чаши мягко соприкоснулись, Цю Хэнянь одним глотком осушил свою, а Цин Янь лишь отпил немного, помахав рукой перед лицом:

— Ух, крепкий. — его лицо сразу порозовело от вина.

Цю Хэнянь, усмехнувшись, поднялся и налил ему чашу тёплой воды, поставив её рядом. За ужином Цин Янь говорил немного, внимательно слушая рассказы Цю Хэняня о событиях, произошедших в пути, и лишь изредка вставлял короткие замечания.

После еды, когда вино уже успело ударить в голову, на лице Цин Яня появился лёгкий румянец, придававший ему необычайное очарование. Цю Хэнянь, не отрываясь, смотрел на него, а потом вдруг подошёл и поцеловал.

Когда их губы разомкнулись, Цин Янь поднял глаза, в которых блестела влажная дымка. Этот взгляд пробудил в Цю Хэняне желание снова приблизиться, но, встретив прямой, немного растерянный взгляд, он лишь с улыбкой покачал головой и слегка ущипнул его за щёку.

Они вместе убрали посуду, вымыли кастрюли, протёрли плиту. Всё было сделано быстро. Пока Цин Янь наливал воду в миски для Эр Си и А-Мяо, Цю Хэнянь вышел во двор, загнал кур в курятник и запер дверцу, чтобы ночью дикие кошки не ранили цыплят.

Когда домашние дела закончились, за окном уже совсем стемнело. В доме зажгли лампу, и они вернулись в комнату, чтобы разобрать вещи, которые привёз Цю Хэнянь.

Он открыл баул и начал по очереди выкладывать содержимое. Цин Янь принимал вещи,

раскладывал их: те, что нужно постирать, откладывал в корзину, остальные возвращал на свои места.

На самом дне багажа оказалась старая рубашка, которую Цин Янь отправил ему, и небольшой ароматический мешочек, который он сшил, учась у тёти Ли. Рубашка почти не изменилась, но мешочек выглядел иначе: хотя он всё ещё оставался чистым, его яркие цвета выцвели, а по краям появились следы износа. Это был предмет, который часто держали в руках, и его обветшалость ясно говорила о времени, проведённом в чьих-то пальцах.

Цю Хэнянь взял рубашку, положил её себе на колени, затем бережно поднял мешочек, внимательно разглядывая его:

— Были времена, когда это было единственным, что помогало мне держаться, — сказал он тихо.

Едва эти слова сорвались с его губ, Цин Янь, всё это время молча смотревший на него, вдруг встал, подошёл сзади, обнял его за талию и прижался щекой к его спине.

Цю Хэнянь опустил взгляд на тонкие, белоснежные руки, обвившие его талию, и, подняв свою руку, накрыл их:

— Всё уже позади, — мягко сказал он. — Теперь всё хорошо.

Когда багаж был разобран, они по очереди привели себя в порядок. Лампа перекочевала к кровати, а Цю Хэнянь, заглянув в ящик под кроватью, достал книгу. Это был потрёпанный экземпляр «Записей о горах и реках», почти развалившийся от частого чтения.

Они вдвоём устроились на кровати, прислонившись к спинке. Цю Хэнянь внимательно изучал карту, отмеченную Цин Янем, и тихо вздохнул. Отложив книгу, он повернулся, поднял руку, обхватил затылок Цин Яня и наклонился, чтобы поцеловать его.

Через некоторое время он чуть отстранился, пристально глядя на него влажными глазами. Голос его был хрипловат:

— Почему ты меня укусил?

Цин Янь смутился, на его лице появилась досада:

— Я не нарочно.

Цю Хэнянь приблизился, их дыхание смешалось:

— Это ты просто разучился?

Щёки Цин Яня пылали, но он промолчал. Тогда Цю Хэнянь снова склонился, и перед тем, как их губы встретились, тихо сказал:

— В этот раз не кусай.

Ресницы Цин Яня слегка задрожали, он опустил взгляд, крепче сжал одеяло и едва слышно ответил:

— Хорошо.

Их поцелуй длился ещё какое-то время, пока Цю Хэнянь, упираясь локтями в постель, не приподнялся и не посмотрел на него. Цин Янь потёр глаза и зевнул.

Цю Хэнянь усмехнулся и поцеловал его в лоб:

— Если хочется спать, отдыхай.

Цин Янь готовился отправиться на заставу Фэньюй, где, возможно, придётся задержаться надолго. Всё, что можно было завершить заранее в мастерской «Сяньюньфана», он уже сделал. Но сегодняшнее внезапное возвращение Цю Хэняня выбило его из равновесия. Эмоции переполняли его, а усталость, накопившаяся за всё это время, давала о себе знать.

После того как связь с заставой Фэньюй прервалась, Цин Янь больше не знал покоя. Он плохо засыпал, а ночные кошмары будили его снова и снова. Теперь, когда Цю Хэнянь вернулся, тревога сменилась умиротворением. Он ещё хотел поговорить, но силы покидали его. Как только одеяло накрыли до подбородка, он закрыл глаза и тут же погрузился в глубокий сон.

Этот сон был особенно сладким и глубоким. Только с первыми криками петуха Цин Янь открыл глаза. Инстинктивно потянувшись рукой в сторону, он обнаружил, что постель рядом пуста.

Цин Янь мгновенно проснулся, сев на кровати. На его лице появилась тень разочарования и грусти, и он почти решил, что всё произошедшее было всего лишь сном. Но тут из внешней комнаты до него донёсся звук шагов и скрип крышки котелка.

Цин Янь с облегчением выдохнул, его настроение резко изменилось — грусть сменилась радостью. Надев халат и сунув ноги в домашние туфли, он подошёл к двери, открыл её и выглянул.

Внешняя комната оказалась наполнена утренним уютом. Цю Хэнянь стоял у плиты, мешая ложкой что-то в горшке, где варилась каша. На полу рядом с ним лежал Эр Си, лениво наблюдая за происходящим, а А-Мяо терлась у ног мужчины и непрерывно мяукала, выпрашивая еду.

Цю Хэнянь поставил ложку на край стола, прикрыл крышкой котелок, затем наклонился и погладил А-Мяо по голове, шёпотом произнеся:

— Он ещё спит, давай потише. Твоя курица на улице, остынет — сразу получишь.

Эр Си первым заметил Цин Яня, вскочил и с радостным топотом подбежал к нему. Услышав звук, Цю Хэнянь тоже обернулся. Увидев Цин Яня с растрёпанными волосами и покрасневшим от сна лицом, он тепло улыбнулся. Цин Янь быстро пересёк комнату, обнял его за талию и уткнулся лицом в его шею, слегка потёршись щекой.

— Что случилось? — с лёгким беспокойством спросил Цю Хэнянь, заглядывая в его лицо.

— Я подумал, что ты опять исчез, — обиженно ответил Цин Янь.

У Цю Хэняня защемило сердце, он крепче обнял Цин Яня:

— Нет, я вернулся, и больше никуда не уйду.

Однако он не заметил, что взгляд Цин Яня не стал спокойнее, напротив, его глаза покраснели, и лишь усилием воли он удержал слёзы.

После завтрака Цин Янь объяснил, что ему нужно сходить в город. Он готовился к поездке и закупил новую партию товаров, за которыми нужно было присматривать лично. Ещё нужно было сообщить управляющему каравана, что он больше не поедет с ними на север.

Цю Хэнянь, понимая, что у него тоже накопилось много дел, сжал запястье Цин Яня и уверенно сказал:

— Всё в порядке, иди. Мне тоже нужно заняться кузницей, там столько всего накопилось.

Они тепло обнялись и отправились каждый по своим делам.

Придя в город, Цин Янь первым делом заглянул к управляющему каравана. В знак извинения он принёс несколько коробок пирожных. Управляющий, хоть и был человеком корыстным, остался доволен: Цин Янь не только отказался от залога, но ещё и преподнёс подарок. Всё уладилось мирно.

Затем он вернулся в «Сяньюньфан», где занялся приёмкой товаров. С помощью У Цюнянь и тёти Ли они пересчитали и разобрали весь груз, что заняло большую часть дня.

К вечеру тётя Ли стала настойчиво гнать Цин Яня домой, говоря, что ему нужно отдохнуть. А У Цюнянь подошла ещё прямолинейнее: она принесла его мешок, вручила его ему и сказала:

— Оставь всё нам, мы с тётушкой Ли справимся. Ты можешь быть совершенно спокоен.

Цин Яня почти вытолкали из лавки, и он, неся на спине свой мешок, отправился домой.

В тот вечер Цю Хэнянь вернулся раньше, чем обычно. Вместе с радостным и оживлённым учеником Сяо Чжуанем он воспользовался свободным временем, чтобы привести в порядок кузницу.

Сяо Чжуань, увидев своего учителя, сперва едва узнал его. Во время коротких передышек он то и дело украдкой смотрел на лицо мастера, словно всё ещё не веря, что перед ним действительно Цю Хэнянь. Цю Хэнянь, привыкший за последние дни к пристальному взгляду Цин Яня, не стал обращать особого внимания на поведение мальчика, тем более что Сяо Чжуану было ещё совсем мало лет.

Когда все дела были сделаны, Цю Хэнянь вернулся домой и увидел, что Цин Янь уже дома. Ужин был приготовлен и подогревался на плите. Дверь во внутреннюю комнату была плотно закрыта. Цю Хэнянь опустил взгляд на свою одежду, снял заплётённый халат и только после этого открыл дверь.

Как только он вошёл, на него тут же хлынул тёплый пар. В комнате стояла ещё горячая деревянная ванна, а кровать была закрыта плотным пологом, надёжно скрывающим её содержимое.

Глаза Цю Хэняня потемнели, он прошёл к умывальнику, тщательно вымыл руки, вытер их полотенцем, а затем направился к кровати. Откинув полог, он увидел сидящего спиной к нему Цин Яня. Тот держал в руках нижнее белье, собираясь надеть его, и не заметил его приближения. Узкая спина, белоснежная кожа, изящные линии лопаток и тонкий, соблазнительный изгиб позвоночника оставляли невольное впечатление.

Цю Хэнянь подошёл ближе, наклонился и мягко поцеловал его в затылок. Цин Янь вздрогнул, не ожидая этого, но голос Цю Хэняня, низкий и хриловатый, тут же его успокоил:

— Не бойся, это я.

Цин Янь расслабился, но только ненадолго. Горячие губы Цю Хэняня стали спускаться ниже, и его тело снова напряглось. Кожу на шее покалывало, а рука Цю Хэняня крепко держала его за талию, не давая даже пошевелиться.

Через какое-то время Цин Янь почувствовал резкую боль в плече — Цю Хэнянь слегка прикусил его. Затем, отстранившись, он тихо сказал:

— Я быстро помоюсь. Подожди меня.

Он опустил полог, и лёгкий холодок проник внутрь, заставив тело Цин Яня слегка содрогнуться. Снаружи раздались звуки шагов, затем плеск воды. Цин Янь на мгновение задумался, но, закусив губу, аккуратно сложил одежду и убрал её в сторону, а сам повернулся лицом к стене и лёг под одеяло.

Вскоре вода перестала плескаться, и шаги Цю Хэняня приблизились к кровати. Он на мгновение остановился, а затем лёг рядом, заполнив тёплую тишину своим присутствием.

Одеяло приподнялось, и слегка прохладное тело прижалось к Цин Яню сзади. Тёплая рука обвила его талию, а мягкие, нежные поцелуи касались шеи и плеч, оставляя за собой приятное тепло.

Еще через мгновение Цин Янь покраснел и с трудом потянулся к подушке, чтобы достать оттуда браслет, но прежде чем он успел это сделать, другая, сильная рука перехватила его движение, аккуратно убрав браслет в сторону.

— Сегодня он не понадобится, — тихо произнёс Цю Хэнянь, склоняясь к его уху. — Давай попробуем?

Цин Янь едва слышно кивнул, выдыхая короткое:

— Да.

Однако едва звук сорвался с его губ, он рефлекторно сжал пальцами край одеяла, нахмурившись и издав тихий стон.

Цю Хэнянь наклонился к его уху, его голос звучал глубже, чем обычно:

— Больно?

Цин Янь взглянул на него влажными, блестящими от слёз глазами и снова кивнул. Тогда губы Цю Хэняня осторожно коснулись макушки его головы.

— Тогда я буду нежнее, — тихо пообещал он.

Время тянулось медленно, но Цин Яню казалось, что оно остановилось. Он давно привык к

бурному, необузданному ритму, когда в такие моменты мог лишь стиснуть зубы и воспользоваться браслетом, чтобы хоть ненадолго ослабить натиск. Но эта новая, непривычная осторожность и размеренность выводили его из равновесия.

Его тело дрожало, слёзы стекали по щекам, делая взгляд ещё более растерянным и уязвимым. Он хотел повернуться, чтобы встретиться лицом к лицу с Цю Хэнянь, но тот будто пригвоздил его к постели, не позволяя двигаться.

Цин Янь заплакал.

— Тебе некомфортно? — спросил Цю Хэнянь, обнимая его сзади.

Цин Янь покачал головой, едва сдерживая слёзы:

— Нет... всё хорошо.

Но, несмотря на этот ответ, Цю Хэнянь на мгновение остановился. Его рука нежно вытерла тонкую испарину на лбу Цин Яня.

— Ты ел сегодня днём? — неожиданно спросил он.

Цин Янь растерянно моргнул, его разум медленно возвращался к реальности.

— Да, ел... в магазине варили лапшу.

— А что ещё делали сегодня? Как дела в магазине? — продолжал спрашивать Цю Хэнянь.

Цин Янь сосредоточился, вспоминая детали прошедшего дня, и подробно рассказал обо всём. Его голос был мягким, будто он боялся нарушить эту странную гармонию момента.

Едва он закончил, как ощутил сильное напряжение в теле, вынудившее его чуть податься вперёд. Сдержанные слёзы вновь начали наполнять его глаза, но Цю Хэнянь снова остановился.

— Осень скоро, — сказал он, словно размышляя вслух. — В этот раз придётся нанять больше людей для сбора урожая. На обеды тоже кого-нибудь наймём.

Цин Янь, чуть задыхаясь, согласился:

— Хорошо.

С этими словами он попытался выбраться из-под одеяла, но рука Цю Хэняня обхватила его талию, легко вернув обратно. Цин Янь рефлекторно вскинул голову, издав короткий, удивлённый звук.

Цю Хэнянь не спешил, продолжая говорить с ним, задавать вопросы, поддерживать разговор, словно это было самым естественным занятием. И лишь изредка прерывал свои слова лёгким движением, возвращая их в тот момент, где каждый жест был наполнен заботой, нежностью и скрытым огнём.

Цю Хэнянь, как будто нарочно, продолжал разговор, задавая вопросы, прерывая свои слова редкими, неторопливыми движениями. Вскоре Цин Янь окончательно утратил контроль над собой. Он не смог сдержать слёз и, тихо всхлипывая, прошептал:

— Я хочу смотреть на тебя.

Цю Хэнянь, мягко целуя его в шею, ответил неясным, приглушённым голосом:

— Не будет ли тебе неудобно смотреть на меня?

Цин Янь отрицательно покачал головой и твёрдо заверил:

— Нет, я обещаю, не будет.

Однако Цю Хэнянь, будто нарочно, ничего не ответил, лишь усилив движение. Лишь после нескольких мгновений он крепче обхватил его за талию и осторожно перевернул к себе лицом.

Едва Цин Янь оказался напротив, как тут же обвил его шею руками и заплакал, уткнувшись в плечо. Цю Хэнянь нежно касался губами его лба, век, успокаивая. Затем мягко перевернул его обратно, прижимая к себе ещё ближе.

□□.....

Когда всё завершилось, Цин Янь выглядел совершенно измученным. Его глаза, опухшие от слёз, едва держались открытыми. Цю Хэнянь долго держал его в своих объятиях, поглаживая по плечу и тихо утешая, пока он наконец не успокоился.

Они лежали лицом друг к другу, молча глядя в глаза. Взгляд Цю Хэняня был тёплым и мягким, словно солнечные лучи, касающиеся спокойной глади весеннего озера. Его голос всё ещё оставался слегка хриплым, когда он спросил:

— Теперь ты привык к этому лицу?

Цин Янь моргнул, словно обдумывая вопрос, а затем опустил взгляд и тихо ответил:

— Да.

Цю Хэнянь, не отпуская его подбородка, чуть приподнял его лицо, заставив встретиться взглядом. Глядя на покрасневшее, словно только что умытое слезами лицо, он спросил, голос его был мягким, но взгляд внимательным:

— Цин Янь, ты ведь хотел меня о чём-то спросить, не так ли?

Цин Янь слегка вздрогнул, потом покачал головой и слабо произнёс:

— Нет... ничего.

Цю Хэнянь, прервав его, сказал:

— Я хочу услышать правду.

Цин Янь сжал губы, словно стараясь подавить волнение, и ответил:

— Правда, ничего нет...

Но не успел он договорить, как голос его задрожал, и слёзы снова потекли по щекам. Сбивчиво, прерываясь, он спросил:

— Ты ведь снова уедешь?

Цю Хэнянь нахмурился, не понимая, о чём он говорит:

— Уеду? Что ты имеешь в виду?

Цин Янь, глядя на него сквозь слёзы, тихо произнёс, задыхаясь от сдерживаемых рыданий:

— То, что случилось на заставе Фэньюй... ты собираешься рассказать мне об этом?

На мгновение Цю Хэнянь застыл, затем выражение его лица изменилось — будто всё вдруг встало на свои места.

Взгляд Цин Яня задержался на его лице, а точнее — на той строке, которая с самого

возвращения Цю Хэняня неотрывно стояла перед его глазами. Там, где раньше было написано: «Цю Хэнянь, кузнец из деревни Люси», теперь стояло совсем другое: «Цю Хэнянь, старший офицер Чэн-чжунлан, девятый ранг императорской гвардии, размещенной на перевале Фэньюй».

Цин Янь смотрел не только на обновившееся лицо Цю Хэняня, гладкое и красивое после исчезновения шрамов, но и на это яркое, неоспоримое подтверждение его настоящей личности.

Он вдруг понял: Цю Хэнянь действительно был одним из тех, кто сражался на границе. И тот иероглиф «𠄎», который он когда-то видел, вовсе не обозначал что-то среднее или обычное. Это был 𠄎 — «верность» в названии его чина, Чэн-чжунлана.

<http://bllate.org/book/13590/1205242>